

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Отдел Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0751-8278

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлев П.П. (2021) Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 6–27. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

АННОТАЦИЯ. В динамично меняющемся мире, в целом развивающемся в направлении полицентричности, все более видное место занимают страны Азии, Африки и Латинской Америки, вместе образующие так называемый глобальный Юг. В него на сегодняшний день входят почти две трети государств – членов ООН, на долю которых приходится около 80% населения планеты, порядка 50% мирового ВВП и около половины совокупного объема международной торговли. Уже одни эти сухие цифры указывают на первостепенную методологическую и научно-практическую значимость изучения экономической и социально-политической проблематики глобального Юга, комплексного исследования его роли в мировой экономике и политике, в процессах глобализации, в системе геоэкономических и геополитических связей. Не менее актуален анализ участия глобального Юга в усилиях международно-

го сообщества, направленных на борьбу с планетарными вызовами, включая изменение климата, искоренение бедности, противодействие трансграничному терроризму и наркотрафику, победу человечества над пандемией COVID-19 и запуск восстановительного экономического роста, подорванного коронакризисом. По мнению автора статьи, формирующие глобальный Юг бывшие колониальные и зависимые страны, многие из которых добились государственной самостоятельности в последние 50–60 лет, накопили значительный опыт совместных действий по отстаиванию своих экономических и политических интересов, создали механизмы и организации сотрудничества в самых различных областях. Отнюдь не упрощая крайне сложную современную ситуацию и не закрывая глаза на существующие проблемы и трудности, логично предположить, что богатый исторический опыт и крупный международный вес

могут позволить странам глобального Юга деятельно и инициативно участвовать в строительстве более устойчивого, справедливого и безопасного мирового устройства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *глобальный Юг, колониализм, развивающиеся страны, Движение неприсоединения, третий мир, Запад, Китай, глобализация, коронакризис, новый миропорядок*

Место глобального Юга в современном мире определяется главным образом двумя группами фундаментальных факторов: трендами внутреннего экономического, социального и политического развития и особенностями той внешней среды, в рамках которой находятся азиатские, африканские и латиноамериканские государства. Факты говорят о том, что к началу 2020-х гг. глобальный Юг – неотъемлемая часть международного сообщества – подошел со стремлением закрепить достигнутые успехи и преодолеть имеющиеся многочисленные препятствия на пути устойчивого экономического роста, дать адекватный ответ на новые национальные, региональные и глобальные вызовы, главное – обеспечить постковидное восстановление экономики и социальной сферы. Вопрос в том, достаточен ли потенциал глобального Юга для решения этих судьбоносных задач.

В фокусе идеологической борьбы

Термин «глобальный Юг», на наш взгляд, со снайперской точностью характеризует огромный массив государств, подпадающих под определение

развивающихся стран¹ и стран с формирующимися рынками. В их число входят (за единичными исключениями, например, Японии) государства Азии, Африки и Латинской Америки, многие из которых полностью или частично расположены в Южном полушарии. Отсюда – дефиниция глобального Юга в географическом измерении. Но еще важнее «родовой признак» политического свойства, а именно исторически сложившееся еще во времена межблокового стратегического противостояния стремление большинства «южан» занимать своего рода «третью позицию», не присоединяться ни к одному из противостоящих главных мировых военно-политических альянсов: НАТО и Варшавского договора. Отсюда – уже почти напрочь засыпанный песками забвения, но в свое время суперпопулярный в среде отечественных и зарубежных марксистов термин «третий мир». Впрочем, и в текущем столетии он сравнительно активно используется отдельными левыми теоретиками, в частности, широко известным индийским ученым Виджаем Прашадом, автором длинного ряда политологических бестселлеров и исполнительным директором Триконтинентала: Института социальных исследований (Tricontinental: Institute for Social Research) [Prashad 2007].

В этой связи, как представляется, концептуализация понятия «глобальный Юг» и определение его научной релевантности неразрывно связаны с объективной и всесторонней оценкой международно-политической и социально-экономической эволюции третьего мира. Поэтому можно согласиться с мнением профессора престижного научно-исследовательско-

1 Понятие «развивающиеся страны» утвердилось в официальных документах международных организаций и научной литературе в 1960-е гг.

го Университета Макмастера в Канаде (McMaster University) Алины Саджед, которая считает, что «идея глобального Юга не могла возникнуть в отрыве от концептуальной работы, проделанной термином «третий мир», без учета его теоретического наследия и исторических вех в развитии третьего мира» [Sajed 2020].

Имеющая более чем вековую историю левая политологическая традиция прочно связывает появление на международной арене огромного массива стран, объединенных понятием третий мир, с зарубежной экспансией ограниченной группы ведущих европейских держав в поисках неисчерпаемых природных ресурсов, дешевой рабочей силы и новых обширных рынков. Как подчеркивал в своей фундаментальной монографии «Глобальный разлом: третий мир достигает зрелости» выдающийся канадский историк греческого происхождения Лефтен Ставрос Ставрианос, многолетняя «заморская экспансия ев-

ропейского капитализма, ставшая по сути империалистической операцией, привела к возникновению третьего мира». И далее ученый выдвинул важный тезис о том, что третий мир – это не столько «набор стран и статистических данных», сколько «комплекс отношений – неравных отношений между контролирующими центрами и зависимыми периферийными регионами и государствами, будь то колонии, как в прошлом, или «независимые» неокOLONIAльные страны, как сегодня» [Stavrianos 1981, pp. 35–36, 40]. Данную точку зрения несколько в иной формулировке выразил В. Прашад, подчеркнувший, что «третий мир – это не пространство, а проект» [Prashad 2007, p. XV].

В свою очередь отметим, что западная экономическая экспансия имела своим следствием практически тотальное разрушение местных государственных и общественных устройств и привела к возникновению обширных колониальных империй, на развалинах

Таблица 1. Получение политической самостоятельности колониальными и зависимыми странами, 1960-е гг.

Table 1. Gaining political independence by colonial and dependent countries, the 1960s.

Год	Страны
1960	Берег Слоновой Кости (Кот-д’Ивуар), Верхняя Вольта, Габон, Дагомея, Камерун, Кипр, Конго (Браззавиль), Конго (Киншаса), Мавритания, Мадагаскар, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сомали, Того, Центральноафриканская Республика, Чад
1961	Кувейт, Сьерра-Леоне, Танганьика
1962	Алжир, Бурунди, Западное Самоа, Руанда, Тринидад и Тобаго, Уганда, Ямайка
1963	Занзибар, Кения
1964	Замбия, Малави, Мальта
1965	Гамбия, Мальдивская Республика, Сингапур
1966	Барбадос, Ботсвана, Гайана, Лесото
1967	Народная Демократическая Республика Йемен
1968	Маврикий, Науру, Свазиленд, Экваториальная Гвинея

Источник: составлено автором по данным национальных информационных агентств.

которых в «долгие 1960-е годы» в результате освободительных движений возникли десятки независимых государств (см. табл. 1), предъявивших Западу крупный политический и экономический счет за столетия угнетения и интенсивной эксплуатации.

Именно в продолжительном западном господстве над странами Азии, Африки и Латинской Америки усматривали критики капитализма главные причины хозяйственной, социально-политической, научно-технической и культурной отсталости этих государств, которая на старте независимого развития поражала воображение своей глубиной. Примером могут служить классические работы мастиго немецкого ученого, одного из основоположников и знаковых представителей теории зависимого капиталистического развития и мир-системного анализа Андре Гундера Франка [Frank 1967; Frank 1979] или весьма влиятельного в левой интеллектуальной среде в 1970-е гг. гайанского историка и политического деятеля – panaфриканиста Уолтера Родни [Rodney 1972].

Причем отсталость третьего мира была оборотной стороной «сверхразвития» Запада, ставшего системообразующим ядром мирового хозяйства. Такого рода дихотомия – Запад и третий мир – образовала, как казалось, неразрывную связку: перелив средств и ресурсов из периферии в центр ускорял социально-экономический прогресс в Европе и США (и, что особенно важно, повышал качество экономического роста), одновременно замедляя развитие большинства государств Азии, Африки и Латинской Америки [Королев 2002, с. 78–82]. Данный *modus vivendi*, в интерпретации исследователей из «левого лагеря», создал феномен «экономического роста без развития», когда повышение количественных показателей: размера ВВП, оборота внешней торгов-

ли, накопленного объема иностранных инвестиций и т. д. – не сопровождался качественными изменениями в положении основных масс населения так называемых развивающихся стран. По мнению Л.С. Ставрианоса, рост без развития стал «одной из главных отличительных черт третьего мира» [Stavrianos 1981, p. 39].

Такой политико-идеологический подход вошел в диссонанс со взглядами ученых, стоявших на позициях неоинституционализма и объяснявших экономическую и социально-политическую отсталость стран третьего мира преимущественно факторами внутреннего порядка, прежде всего неэффективностью большинства национальных институтов, из-за чего эти государства изначально «пошли по неверному пути». Печальный результат этого «неправильного» исторического движения – комплекс тяжелых экономических и социальных недугов, клубок неразрешимых противоречий, образовавшаяся пропасть между неизжитым прошлым и неясным (пугающим) будущим.

В качестве парадигмального примера чрезвычайно устойчивого и растянутого во времени отставания неоинституционалисты обычно приводят Латинскую Америку, раньше других районов третьего мира (еще в первой трети XIX в.) вставшую на путь самостоятельного политического развития. Как отмечал Френсис Фукуяма, «период с 1820 по 1870 г. был особенно катастрофическим для стран латиноамериканского региона: душевой ВВП в США в среднем возрастал на 1,39% в год, тогда как в Латинской Америке этот показатель, наоборот, падал на 0,5%». Почему так произошло? Ответ дал соавтор Ф. Фукуямы, мексиканский историк Энрике Краузе, который привел весьма характерный, можно сказать, модельный случай своей страны. Э. Крау-

зе писал: «Мексика сама несет ответственность за свои ужасающие язвы и неопровержимые исторические просчеты. Следует обвинять в них авторитарных, погрязших в демагогии и коррупции местных политиков, неэффективную экономику, дорогостоящую и бюрократизированную систему образования, самодовольные, зараженные духом фанатизма университеты. А возлагать вину на большого и злобного волка, Соединенные Штаты, за все мексиканские беды – это не что иное, как наводить тень на плетень» [Fukuyama 2011, pp. 20, 111].

Весомый вклад в изучение проблематики новых независимых государств внесли (хотя и с некоторым лагом по сравнению с зарубежными коллегами) отечественные ученые К.Н. Брутенц, В.В. Вольский, Г.И. Мирский, Е.М. Примаков, В.Т. Растянников, В.В. Рымаков, С.И. Тюльпанов, В.Л. Тягуненко, Р.А. Ульяновский, В.Л. Шейнис, Г.К. Широков и др. Одной из особенностей советских разработок стал акцент на анализе так называемого некапиталистического пути развития – своеобразного общественного явления, утвердившегося в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. В плане развития отечественного «третьемироведения», на наш взгляд, этапным был выход в свет в 1974 г. во многом новаторской коллективной монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», открывшей серию комплексных теоретических исследований социально-экономических политико-идеологических проблем третьего мира [Аваков и др. 1974].

Международный «мозговой штурм» дал возможность определить проблемное поле «третьемирских» исследований и на концептуальном уровне позволил нащупать альтернативные пути преодоления исторической отсталости развивающихся государств. В этом –

несомненная заслуга зарубежных и советских ученых-обществоведов.

Разумеется, никто в политической науке не обладает истиной в последней инстанции. И в аргументах теоретиков марксистского толка, и во взглядах неинституционалистов есть своя доля правды. Но для целей нашего исследования принципиально важно отметить тот факт, что в период 1950–1970-х гг. на волне деколонизации и становления новых независимых государств в правящих сферах подавляющего большинства развивающихся стран утвердилась концепция исторической вины Запада за отсталость третьего мира. Это стало идейной платформой двух чрезвычайно значимых явлений в мировой политике: Движения неприсоединения и борьбы за новый международный экономический порядок.

Третий мир набирает вес

Самым масштабным выражением политических устремлений стран третьего мира явилось, вне всяких сомнений, Движение неприсоединения (*Non-Aligned Movement*), созданное в начале сентября 1961 г. на конференции в Белграде представителями 25 государств. Таким образом, в 2021 г. официальная история движения отметит 60-летний юбилей, что само по себе говорит о многом.

Следует подчеркнуть, что Белградской конференции предшествовали несколько лет интенсивных дипломатических усилий руководителей Социалистической Федеративной Республики Югославии и ряда наиболее влиятельных в тот период развивающихся государств (Индии, Индонезии, Египта, Бирмы и др.), поставивших целью создать широкую международную организацию, объединяющую страны по принципу неучастия в военно-полити-

ческих блоках. На тот момент речь шла о НАТО, Варшавском договоре, Тихоокеанском пакте безопасности (АНЗЮС), Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и Организации Центрального Договора (СЕНТО, или Багдадский пакт) [Mistra 1993].

Важной вехой на пути становления Движения неприсоединения явилась Бандунгская конференция, состоявшаяся в Индонезии 18–24 апреля 1955 г. с участием представителей 29 стран, на долю которых, во многом благодаря Китайской Народной Республике и Индии, приходилось 54% населения земного шара (на тот момент порядка 1,5 млрд человек).

Ключевым политическим итогом форума в Бандунге стало согласование принципов международных отношений, на тот момент отвечавших приоритетным требованиям новых независимых государств: равенство всех рас и наций, уважение территориальной целостности, отказ от проведения агрессивной политики, урегулирование международных споров мирным путем и т. д. Кроме того, подчеркивалась «настоятельная необходимость содействия экономическому развитию Азии и Африки» и в качестве конкретных шагов указывалась стабилизация мировых цен на сырье с помощью заключения двусторонних и многосторонних соглашений. Можно согласиться с теми экспертами, которые видят в такой постановке вопроса начало борьбы развивающихся стран за изменение своего подчиненного положения в системе мирохозяйственных связей и установление нового международного экономического порядка (НМЭП)². В более широком контексте «дух Бандунга» символизировал идейно-политическое ро-

ждение третьего мира и претендовал на то, чтобы стать реальной альтернативой западной идеологии [Young 2016, p. 176].

Инициированные главным образом афро-азиатскими бывшими колониальными владениями европейских держав, регулярные саммиты неприсоединившихся стран очень быстро привлекли к себе внимание государств Латинской Америки и стали форумом, представляющим все регионы третьего мира. Уже на конференции в Лусаке (Замбия) в 1970 г. присутствовали представители 54 стран, включая 11 латиноамериканских, что в скором времени позволило сформировать в рамках ООН блок, состоящий из членов Движения неприсоединения и продвигавший проекты, отвечавшие их интересам.

Активное подключение к Движению численно быстро увеличивавшейся группы латиноамериканских государств сдвинуло центр его политического внимания и практической деятельности с вопросов неучастия в военных альянсах (этот вопрос не особенно занимал Латинскую Америку после провозглашения в 1967 г. региона зоной, свободной от ядерного оружия) [Яковлев 2018, с. 115] к проблемам обеспечения торгово-экономических потребностей третьего мира. Это стало особенно актуальным в конце 1960-х и начале 1970-х гг. в связи с турбулентными явлениями в мировой экономике и торговле, имевшими тяжелые последствия, прежде всего для развивающихся государств ввиду их сырьевой специализации и в целом большей уязвимости перед внешними шоками.

Характерно, в частности, что за семь десятилетий колониального и зависимого развития совокупная доля развивающихся стран в мировой эко-

2 Еще одной созданной развивающимися странами международной площадкой для обсуждения торгово-экономических вопросов стала возникшая в июне 1964 г. «Группа 77», названная так по числу государств-учредителей.

номике не возросла, а только сократилась. Но при этом отмечались серьезные региональные различия: обвальное падение доли Азии и «топтание на месте» Африки южнее Сахары в известной мере компенсировались ростом удельного веса Латинской Америки, Северной Африки и стран Ближнего и Среднего Востока (см. табл. 2). Но в целом, повторим, третий мир сдавал свои позиции и нуждался в том, чтобы сильнее нажать на педаль экономического роста.

В плане борьбы за установление НМЭП рубежным было проведение в 1972 г. в чилийской столице Сантьяго III сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), на которой развивающиеся страны выступили сплоченными рядами с фронтальной критикой существовавшей системы мирохозяйственных связей, предоставлявшей преимущества развитым державам. Задававшие тон члены Движения неприсоединения выдвинули целый пакет требований, включавших изменение (разумеется, в их пользу) условий международной торговли и увеличение помощи на цели развития новым независимым странам со стороны бывших метрополий. Авторы этих предложений утверждали, что их последовательная реализация обеспечит развивающимся государствам более легкий

и широкий доступ на товарные рынки, позволит стабилизировать цены на сырье и в конечном счете приведет к ускорению экономического развития третьего мира и сокращению его отставания от Запада [Cox 1979].

Указанные идеи, носившие для того времени весьма радикальный характер, получили окончательное оформление и закрепление в ходе саммита Движения неприсоединения в Алжире (сентябрь 1973 г.), а затем переданы на рассмотрение в ООН. Уже немногим более чем через полгода, 1 мая 1974 г., под мощным давлением бывших колониальных и зависимых стран, составлявших большинство в Объединенных нациях и поддержанных социалистическими государствами, Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 3201 (S-VI) приняла Декларацию об установлении нового международного экономического порядка [Declaration for the Establishment of a New International Economic Order 1974], а 12 декабря 1974 г. – Хартию экономических прав и обязанностей государств [Charter of Economic Rights and Duties of States 1974].

В этих фундаментальных документах страны – члены международного сообщества заявили о своей решимости установить НМЭП, основанный на справедливости, суверенном равенстве, взаимозависимости, общности

Таблица 2. Доля отдельных групп развивающихся стран в мировом ВВП, %

Table 2. Share of selected groups of developing countries in world GDP, %

Группа стран	1900	1938	1950	1960	1970
Развивающиеся страны	25,87	23,82	22,24	22,63	22,34
Латинская Америка	3,47	5,33	6,35	6,58	6,64
Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия	20,08	14,93	11,25	10,44	9,34
Северная Африка, Ближний и Средний Восток	0,97	1,78	2,32	3,41	4,51
Африка южнее Сахары	1,35	1,78	2,32	2,19	1,84

Источник: [Королев 2002, с. 510–511].

интересов и сотрудничестве всех государств, независимо от их социально-экономических и политических систем. В качестве сердцевины НМЭП и основной стратегической задачи провозглашалось устранение неравенства в мировой экономике и ликвидация увеличивавшегося разрыва между развитыми и развивающимися странами. Инструментами достижения поставленной цели должны были стать: признание неотъемлемого права каждого государства над своими природными ресурсами и всей экономической сферой; справедливое соотношение цен на товары, экспортируемые и импортируемые развивающимися государствами; активная помощь особо нуждающимся странам без каких-либо политических и военных условий; регулирование и надзор над деятельностью транснациональных корпораций (ТНК); обеспечение достаточного притока инвестиционных и кредитных ресурсов в районы третьего мира; предоставление развивающимся странам доступа к достижениям современной науки и техники и т. д. По существу, вопрос ставился о введении для развивающихся стран (с оговоркой – «по мере возможности») преференциального и невзаимного режима наибольшего благоприятствования практически во всех областях международного экономического сотрудничества, что можно было трактовать как значимый внешнеполитический успех Движения неприсоединения и свидетельство возросшего веса третьего мира в международных делах [Rothstein 1979].

Между тем борьба за НМЭП – «экономический Бандунг» (как его иногда называли эксперты) – сопровождалась множеством суверенных (нередко весьма противоречивых и не всегда рациональных) акций развивающихся государств по укреплению национального контроля над природными богатства-

ми и ограничению деятельности западных ТНК, а также попытками изменить в свою пользу условия международной торговли, следствием чего явилось резкое повышение цен на нефть. Однако в целом выбранная основным массивом развивающихся государств стратегия развития, включая ее внешнеэкономический компонент, имела неоднородные последствия и в конечном счете не ознаменовалась бесспорной победой третьего мира.

Серьезный вклад в фактический срыв планов Движения неприсоединения внесли западные державы во главе с США и их корпорации и банки, зачастую блокировавшие решения большинства международного сообщества по переустройству системы мирохозяйственных связей. Как писал профессор права Национального университета Сингапура Энтони Энжи, «развитые державы враждебно смотрели на НМЭП» и делали все, чтобы не допустить полноценной реализации его принципов [Anghie 2015]. В итоге перестройка мировой экономики и торговли со временем потеряла первоначальную политическую инерцию и не принесла большинству развивающихся стран ожидаемых результатов.

Тернистый путь к глобальному Югу

Давая агрегированную оценку ключевым сдвигам в экономике третьего мира, которые произошли в 1970-е и 1980-е гг., можно констатировать, что в тот период четко проявились различия в возможностях и способностях отдельных групп развивающихся государств адаптироваться к постоянно меняющейся мирохозяйственной ситуации, вступившей в эпоху глубоких перемен, прежде всего под воздействием ускорявшейся научно-технической ре-

волюции. В основе отмеченных различий лежали порой весьма специфические национальные стратегии (модели) развития, далеко не всегда предлагавшие эффективные механизмы успешной интеграции тех или иных стран в мировое рыночное хозяйство и становившуюся поистине глобальной международной торговлю.

Кроме того, по мнению многих авторитетных зарубежных и российских исследователей, мощным фактором расхождения развивающихся государств стал нефтяной кризис, начавшийся 17 октября 1973 г., когда члены Организации арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК) объявили эмбарго на поставки «черного золота» в ряд западных держав, поддержавших Израиль в ходе так называемой Войны Судного дня. Этот решительный демарш ОАПЕК спутал все карты на международных сырьевых рынках и в считанные дни привел к беспрецедентному увеличению нефтяных котировок с 3 до 12 долл. за баррель, спровоцировав крупнейший в мировой истории энергетический кризис [Yergin 1991, pp. 708–710].

Возгонка цен на нефть и другие кризисные эффекты по-разному отразились на странах третьего мира, сильнейшим шоком разделили их на несколько групп. Первую образовал сравнительно узкий круг экспортеров жидких углеводородов, в одночасье экспоненциальным образом увеличивших свои доходы от продажи нефти и нефтепродуктов. Вторую группу, значительно более многочисленную, составили нефтеимпортирующие развивающиеся государства, для которых закупки «черного золота» в большинстве случаев стали дополнительным тяжелым финансовым бременем. И, нако-

нец, в третью группу вошли такие страны, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг («азиатские тигры», или «новые индустриальные страны»), уже в течение ряда лет последовательно проводившие успешный курс на модернизацию и всемерное наращивание производства и экспорта промышленных изделий, включая высокотехнологичные, что радикально укрепляло их конкурентные позиции на мировых товарных рынках и выделяло из основного массива развивающихся государств³. (Заметим, что пример «азиатских тигров» свидетельствует о том, что граница, отделяющая периферию капиталистического мира от его центра, вполне преодолима.)

Отмеченная страновая дифференциация в рамках третьего мира, акцентированная нефтяным кризисом, четко просматривалась в динамике основных макроэкономических показателей (см. табл. 3).

Приведенные статистические данные говорят о том, что в 1970–1990 гг. Латинская Америка, включая ее лидеров (Аргентину, Бразилию и Мексику), максимально снизила темп прироста регионального ВВП по сравнению с другими районами развивающихся стран и уменьшила свою долю в их совокупном товарном экспорте с 30,7 до 22,8%. Поэтому не случайно в 1980-е гг. вошли в новейшую латиноамериканскую историю как «потерянное десятилетие», когда региональная экономика, по существу, стагнировала [Ayau Cordón 1993].

Не лучше обстояли дела в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, где также было зафиксировано снижение и без того низкой динамики экономического роста. Особенно тяжелое, можно

³ В частности, в 1960–1990 гг. при росте совокупного товарного экспорта третьего мира в 7,2 раза данный показатель Южной Кореи увеличился в 19,1 раза, а Тайваня – в 51 раз.

сказать, драматическое положение сложилось в странах Африки к югу от Сахары: за два десятилетия их доля в экспорте третьего мира уменьшилась с 3,8 до 1,7%, а душевой ВВП не только не вырос, но, напротив, сократился почти на 17%, что имело крайне негативные последствия в социально-политической сфере. Для многих стран Черного континента, без преувеличения, наступили черные дни.

На этом тревожном фоне резким контрастом стал экономический спурт азиатских государств. В 1980-х гг. они почти вдвое ускорили прирост ВВП по сравнению с предыдущим десятилетием, практически в 2,5 раза увеличили объем душевого ВВП и с 44,4 до 59,4% нарастили свою долю в совокупном товарном экспорте третьего мира. Очевидно, что эти впечатляющие результаты были достигнуты, в первую очередь, благодаря ушедшему в экономи-

ческий отрыв Китаю; но и целый ряд других крупных стран Азии, например Индонезия и Таиланд, встали на путь структурной перестройки экономики и форсированного хозяйственного роста, сумели значительно расширить свое участие в международной торговле. Именно в 1980-е гг. были созданы предпосылки превращения азиатских государств в «новые локомотивы мирового экономического роста» [Дынкин, Иванова 2011, с. 503], что не в последнюю очередь явилось результатом точно выверенных и выдержавших испытание временем макроэкономических решений.

В свою очередь, по мнению большинства отечественных и зарубежных ученых, экономические провалы Латинской Америки и Африки в 1970–1980-х гг. в решающей степени объяснялись узостью и слабой покупательной способностью внутренних рынков,

Таблица 3. Развивающиеся страны: динамика макроэкономических показателей
Table 3. Developing countries: dynamics of macroeconomic indicators

Группы стран и отдельные государства	Прирост ВВП в среднем за год, %		Душевой ВВП, тыс. долл.		Товарный экспорт, млрд долл.	
	1971–1980	1981–1990	1970	1990	1970	1990
Все развивающиеся страны	5,3	4,5	1,6	2,8	473,0	1775,0
Латинская Америка	6,6	1,2	4,6	6,4	145,0	405,0
Бразилия	8,3	1,4	3,7	6,4	31,0	85,5
Мексика	9,8	1,6	4,4	7,9	25,0	100,0
Аргентина	3,0	–1,6	9,3	7,7	20,5	25,5
Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия	4,4	8,1	0,9	2,2	210,0	1055,0
Китай	3,1	11,3	0,6	1,7	47,0	270,0
Индия	4,1	5,3	0,8	1,3	34,0	100,0
Индонезия	8,2	5,5	1,4	3,5	29,0	190,0
Таиланд	6,9	7,9	2,3	6,8	18,0	158,0
Северная Африка, Ближний и Средний Восток	2,3	1,7	4,8	6,3	100,0	285,0
Африка южнее Сахары	2,3	1,7	1,2	1,0	18,0	30,0

Источник: [Королев 2002, с. 507, 508, 511, 512, 596, 597].

сохранявшимися структурными дисбалансами, неэффективными формальными и неформальными институтами, но главное – стратегическими просчетами правящих режимов: ошибочным курсом на гипертрофированное участие государства в экономике, политической протекционизма, устойчивым бюджетным дефицитом и стабильно высокой инфляцией (нередко гиперинфляцией), «сдававшей» доходы большинства населения [Кувалдин 2017, с. 371; Ffrench-Davis, Tironi 2014, pp. 172–187].

Конец 1980-х и начало 1990-х гг. ознаменовались тремя судьбоносными переменами на международной арене, оказавшими сильнейшее воздействие на внутренние процессы и внешнее положение государств третьего мира – сложный и, как выяснилось, неоднородный продукт послевоенного исторического развития.

Во-первых, с распадом СССР произошел слом биполярной системы, в течение десятилетий служившей базовым политическим концептом Движения неприсоединения, члены которого, таким образом, утратили первоначальный смысл – не быть втянутыми в военно-стратегическое противостояние двух антагонистических блоков. В новых международно-политических условиях развивающимся странам предстояло серьезно актуализировать свою объединительную повестку, чтобы не допустить самоликвидации Движения и, по возможности, придать ему второе дыхание.

Во-вторых, главенствующее место в определении механизмов и инструментов экономической стратегии ведущих западных держав (в первую очередь США и Великобритании) заняла неолиберальная теория рыночных преобразований. Ее базовые принципы, сформулированные английским экономистом Джоном Уильямсоном в известном Вашингтонском консенсу-

се (1989 г.), предназначались не столько центрам капитализма (они во многом уже руководствовались на практике такой философией), сколько развивающимся странам и, прежде всего, латиноамериканским, пережившим «потерянное десятилетие» 1980-х гг. и действительно нуждавшимся в новой модели социально-экономического развития [Clift 2003, p. 9].

В частности, государствам Латинской Америки и, шире, всего третьего мира рекомендовали провести фактически тотальное дерегулирование экономики, осуществить либерализацию правил ведения внешней торговли и функционирования финансовых рынков, приватизировать государственные предприятия, снять ограничения на деятельность иностранного капитала, установить свободный обменный курс национальной валюты, снизить предельные ставки налогов, поддерживать фискальную дисциплину (по сути, сохранять минимальный дефицит бюджета за счет урезания расходов). Другими словами, предложенный свод правил макроэкономической политики обозначал отход латиноамериканских государств от дирижистской парадигмы экономического роста. Поскольку указанные принципы отражали позицию правительства США и расположенных в американской столице штаб-квартир Международного валютного фонда и Всемирного банка, то составленный Дж. Уильямсоном документ и получил вошедшее в широкий обиход наименование Вашингтонский консенсус [Ананьин, Хаиткулов, Шестаков 2010].

Третьим важнейшим фактором, вызвавшим радикальное изменение международного положения развивающихся стран, явился процесс неолиберальной глобализации, «запущенный» Западом на рубеже 1980–1990-х гг. и на три десятилетия определивший магистральное направление эволюции

мировой экономики и политики. Для государств Азии, Африки и Латинской Америки глобализация превратилась в мощный фактор как внутренних структурных преобразований (зачастую противоречивых и неоднозначных), так и перезагрузки сложившейся в постколониальный период системы внешнеэкономических связей.

Сопряжение на одном историческом отрезке времени трех указанных трансформационных процессов послужило катализатором уже происходивших подвижек в рамках третьего мира, усилило те тенденции, которые давали о себе знать в предыдущие годы. Главным результатом развития этих трендов стал идейно-политический износ концепции третьего мира и рождение идеи глобального Юга – обновленного концепта взаимодействия развивающихся стран на международной арене, который, как отмечали австралийские исследователи Ноур Дадос и Рэвин Коннелл, зафиксировал смещение фокуса внимания с культурных различий и проблем отсталости на вопросы геоэкономики и геополитики [Dados, Connell 2012, p. 12].

Эту точку зрения разделяет известный голландский экономист Ян Аарт Схолте, ответственный редактор четырехтомной фундаментальной «Энциклопедии глобализации» и автор многих публикаций по мирохозяйственной проблематике. Ученый подчеркнул, что «глобальный Юг не является простым синонимом третьего мира, хотя они и характеризуются частично совпадающими чертами». Но коренное отличие идеологии глобального Юга от концепции третьего мира и Движения неприсоединения состоит в отходе от поиска политического и экономического суверенитета и глубоком включении в силовое поле неолиберальной глобализации, которую Я.А. Схолте называет «гиперкапитализмом» [Scholte 2005].

Новые возможности, вызовы и риски

Что привнесла глобализация в социально-экономическую ткань и международное положение государств глобального Юга? Как стали выстраиваться отношения между Югом и Севером, сердцевину которого продолжали составлять западные державы?

Вынужденно представляя обобщенную картину, которая, разумеется, не может вместить все многообразие этого сложного и объемного сюжета, можно выделить ряд ключевых и во многом новых черт, характеризующих внутреннее и международное положение развивающихся стран в эпоху неолиберальной глобализации.

Прежде всего, практически все ведущие государства глобального Юга (за исключением Китая) с разной степенью результативности в 1990-х гг. прошли через проведение рыночных реформ преимущественно по лекалам Вашингтонского консенсуса. Главным результатом этих преобразований явилось снижение роли государства в экономике, отход от политики протекционизма (или ее ослабление), активное привлечение иностранного капитала, включение в глобальные цепочки добавленной стоимости, формирование «собственных» транснациональных корпораций и банков развивающихся стран [Williamson, Kuczynski 2003, pp. 305–343].

Эти сдвиги, дополненные массовым переводом с Севера на Юг производственных активов и созданием ориентированных на внешние рынки промышленных хабов (в Китае, Бангладеш, Мексике, Бразилии, Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, Таиланде и т. д.), образовали своего рода парадный фасад неолиберальной глобализации, символизировали изменение места стран глобального Юга в системе международного разделения труда, обеспечили ощутимое увели-

чение их удельного веса в мировой экономике и торговле (см. табл. 4).

Как видим, особенно динамично развивались азиатские государства во главе с Китаем. Вполне можно констатировать, что в ходе развития неолиберальной глобализации, задуманной и тщательно спланированной в западных столицах, неожиданным для них образом произошло относительное ослабление мирохозяйственных позиций развитых держав, а центр притяжения мировой экономики и торговли в сравнительно сжатые сроки переместился в развивающиеся страны Азии. И в этом – один из главных бросающихся в глаза парадоксов глобализации, в конечном счете вызвавший болезненную реакцию в правящих сферах Запада, крайним выражением чего явилась агрессивная, неопротекционистская внешнеэкономическая политика администрации Д. Трампа [Кузнецов 2020, с. 535–548].

Крайнее раздражение в Белом доме вызвали международные торговые

и технологические успехи КНР, экономическую модель которой известный итальянский экономист Лоретта Наполеони определила как «Маономикс», или «марксизм под неолиберальным соусом», подчеркивая тем самым сравнительно сложную и внутренне противоречивую композицию китайской стратегии роста. Несмотря на это, по мнению Л. Наполеони, «странный союз коммунизма с капитализмом» в конкретных условиях Китая оказался эффективным государственным решением, позволил Пекину суперудачно адаптироваться к требованиям глобализации и ее правилам игры, послужил наглядным уроком для многих держав Запада, вынужденных перейти на пониженный ритм хозяйственного развития и по темпам прироста ВВП «пропустить вперед» наиболее динамичные страны глобального Юга [Napoleoni 2011, pp. 67, 15, 26].

Но далеко не для всех развивающихся государств их участие в глобализации явилось однозначно позитив-

Таблица 4. Страны глобального Юга в мировой экономике и торговле
Table 4. Countries of the global South in the world economy and trade

Группы стран, государства-лидеры	Доля в мировом ВВП, %		Доля в мировом экспорте, %	
	1990	2019	1990	2019
Весь мир	100,00	100,00	100,00	100,00
Государства Севера	55,08	44,83	65,16	50,47
США	20,73	15,93	12,99	8,98
Государства Юга	31,12	50,36	29,66	49,53
Латинская Америка	7,57	7,63	6,80	5,76
Бразилия	2,50	2,40	1,40	1,22
Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия	16,82	32,41	17,60	34,90
Китай	5,41	17,39	4,50	13,63
Северная Африка, Ближний и Средний Восток	5,27	7,26	4,80	6,92
Африка южнее Сахары	1,46	3,06	0,50	1,95

Рассчитано по: [International Monetary Fund, The World Bank, ITC].

ным. В целом ряде случаев слепое следование неолиберальным постулатам Вашингтонского консенсуса имело и обратную сторону, примером чему могут служить Аргентина и другие латиноамериканские страны, безоглядно вставшие на путь рыночных реформ в начале 1990-х гг. Результат детально проанализирован в научной литературе и хорошо известен: после нескольких лет интенсивных преобразований, материализовавшихся в либерализации товарных и финансовых рынков, экспоненциальном увеличении суверенного долга, приватизации государственных предприятий и передачи контроля над ключевыми секторами экономики в руки иностранных ТНК, государства Латинской Америки на рубеже XX–XXI в. столкнулись с одним из самых глубоких социально-экономических кризисов в своей истории, что послужило источником общественно-политической фрустрации [Pertas, Veltmayer 2004].

Более позитивную динамику продемонстрировали страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока и Африки к югу от Сахары. Правда, в целом ряде случаев заметный экономический рост во многом объяснялся слабыми стартовыми позициями, так называемым эффектом низкой базы. Но, как бы то ни было, первые десятилетия XXI в. показали, что немалое число ближневосточных и африканских государств располагают значительными возможностями хозяйственного ускорения. И это было признано в международных деловых и политических кругах. «В последние годы, – отмечали российские ученые И.О. Абрамова и Л.Л. Фитуни, – ведущие мировые державы и центры экономической силы синхронно пришли к осознанию высокой значимости ресурсного, человеческого и нарастающего экономического потенциала Африки в формирующей-

ся новой модели мирового экономического развития» [Абрамова, Фитуни 2017].

Но если полная реализация огромного потенциала африканского континента – во многом дело не слишком близкого будущего, то не имеющий исторических аналогов долговременный форсированный экономический рост Китая (особенно на фоне кризисных явлений в латиноамериканских странах и вялого динамизма в США, Европейском союзе и Японии) уже в наши дни заставил международное экспертное сообщество переосмыслить выдвинутые на Западе ключевые макроэкономические догмы и критически взглянуть на неолиберальные постулаты Вашингтонского консенсуса. Отсюда – то повышенное внимание, которое было проявлено к особенностям макроэкономической стратегии Китая, с легкой руки британского эксперта Джошуа Рамы (бывшего главного редактора популярного журнала Time) получившей название Пекинский консенсус.

Напомним основные положения данной концепции, не без основания воспринятой в качестве доктринального ответа страны-лидера глобального Юга на идейный вызов Севера [Li, Brodsgaard, Jacobsen 2009]. Итак, описанная Пекинским консенсусом оптимальная для развивающихся государств модель экономического роста предусматривала следующее:

1. Осмысленную и осторожную локализацию лучших зарубежных бизнес-практик и компетенций.
2. Нахождение наилучшего баланса между рыночным и плановым началами в макроэкономической политике.
3. Использование для достижения поставленных целей максимально гибких методов, учитывающих особую сложность состояния экономик развивающихся стран (по

- сравнению с развитыми государствами).
4. Защиту суверенного права каждой страны свободно выбирать собственное социально-политическое устройство.
  5. Обеспечение внутривластной стабильности как необходимой предпосылки устойчивого экономического роста.
  6. Осуществление государственной политики поощрения трудового усердия и укрепления уверенности граждан в своих силах, позволяющей выстраивать с зарубежными партнерами открытые отношения в алгоритме «выигрыш – выигрыш» (win – win).
  7. Проведение курса на постоянный апгрейдинг промышленного производства – регулярный переход на качественно новые ступени технико-технологического развития.
  8. Опору на национальные инновации в деле непрерывной модернизации индустрии, последовательное наращивание инвестиций в науку, технологии и образование.
  9. Осмотрительную и поэтапную либерализацию местных финансовых рынков, сохранение национального контроля над стратегическими активами.
  10. Придание экономическому росту социальной направленности, построение гармоничного общества.

Совершенно очевидно, что приведенный декалог ключевых принципов макроэкономической стратегии, хотя и не лишен выраженного китайского акцента, явно претендует на роль «путеводной звезды» для политическо-

го истеблишмента, деловых и финансовых кругов максимального числа государств глобального Юга.

Называя себя «большой развивающейся страной», Пекин вбрасывает в международное пространство альтернативные идеи, которые для «южных государств» могут звучать более привлекательно, нежели жесткие требования Вашингтонского консенсуса. В их числе – инкрементальные (т. е. постепенные) социально-экономические преобразования; защита национального суверенитета от внешнего политического вмешательства; необязательность демократических реформ по западному образцу и возможность сохранения авторитарных режимов; откровенно скептическое отношение к принципам правового государства; стремление к поиску «золотой середины» между свободным рынком и госкапитализмом.

Таким, в общих чертах, было идейно-политическое послание Китая в адрес стран глобального Юга, включая и членов Движения неприсоединения, к которому Пекин примкнул в статусе наблюдателя в сентябре 1992 г., и участников «Группы 77». В данном случае сложилась комфортная для КНР формула сотрудничества «Группа 77 + Китай», позволяющая Пекину продвигать свои экономические идеи в широком международном формате⁴. Но главное, что предложило китайское руководство правящим режимам развивающихся государств, было огромное по своему размаху торговое и инвестиционное взаимодействие КНР с партнерами в Азии, Африке и Латинской Америке. По существу, сложился обновленный алгоритм сотрудничества по линии Юг – Юг, когда наиболее мощные «южане» (во главе с Китаем) стали отвоевывать у западных держав и их кор-

4 Заметим, что к началу XXI в. число участников Движения неприсоединения и «Группы 77» в каждом случае превысило 130 стран.

пораций все более крупные сегменты развивающихся рынков [SDGF].

Сохранение указанных трендов на протяжении первых двух десятилетий XXI в. привело к формированию принципиально новой геоэкономической и геополитической ситуации, в контексте которой позиционирование глобального Юга претерпело значительные изменения. В их числе:

1. Образование в рамках неформального сообщества развивающихся стран численно растущей группы государств, по уровню экономического развития сравнявшихся с западными державами, а на ряде направлений вырвавшихся вперед. Следствием этого является продолжающаяся дифференциация развивающегося мира.
2. Уплотнение взаимной связанности экономик глобального Юга. Движущими силами данного явления служат: широкая экспансия местного транснационального бизнеса, создание трансрегиональных торговых и инфраструктурных коридоров («Пояс и путь», Азиатско-африканский коридор роста и др.), а также возникновение новых, более высокого уровня интеграционных группировок, в частности с участием развитых государств. Пример таких объединений – учрежденное 13 ноября 2020 г. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), в которое вошли десять стран Юго-Восточной Азии, а также Китай, Южная Корея, Япония, Австралия и Новая Зеландия.
3. Выдвижение китайским руководством (в значительной мере де-факто) принципов Пекинского консенсуса явилось, по существу, концептуальным оформлением того вызова, который нарастивший торгово-экономическую

мощь Юг во главе с КНР бросил Северу, возглавляемому США. Поскольку Китай превратился в главного геоэкономического конкурента Соединенных Штатов [Мельянцеv 2019, с. 5], то их соперничество транслируется на отношения между Севером и Югом.

4. Появление на карте мира специфических стран и территорий, характеризующихся как лиминальные пространства (liminal spaces), т. е. совмещающих в себе родовые признаки развитых и развивающихся государств. К их числу, например, можно отнести отдельные государства Южной и Восточной Европы (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Черногория, Македония, Болгария, Румыния и др.), часть которых даже являются членами или кандидатами в члены Европейского союза, что, однако, радикально не меняет их подчиненного положения в глобальном разделении труда [Sajed 2020].
5. Возникновение в центрах капитализма своеобразных анклавов традиционного третьего мира – обширных зон отсталости, нищеты и социально-политической турбулентности. Таким образом, исторически присущие развивающимся странам общественные проблемы и конфликты распространяются на страны Запада, парадоксальным образом превращая отдельные их районы в часть глобального Юга. Убедительным примером могут служить массовые протестные выступления и беспорядки 2019–2020 гг. в Азии, Латинской Америке (максимально широко), Европе и, особенно, в США, где они приобрели невиданный прежде размах [Яковлев, Яковлева 2020].

Как видим, на пороге третьего десятилетия XXI в. на огромных просторах глобального Юга сложились и пришли в движения различные центростремительные и центробежные процессы, в целом отразившие те сдвиги, которые имели место во внутреннем и международном положении развивающихся стран. Общий знаменатель отмеченных изменений – тренд на повышение роли Юга в мировых делах, его возросшее влияние на судьбы человечества.

Разумеется, это отнюдь не линейный процесс, о чем властно напомнила пандемия коронавируса COVID-19, охватившая десятки государств глобального Юга, породившая не только «внеочередной» мировой кризис (коронакризис), но и глубокую неопределенность тенденций дальнейшего международного развития.

***

Какую роль может играть глобальный Юг (понятие, включающее и Движение неприсоединения, и «Группу 77 + Китай») на выходе из коронакризиса и, позднее, в новом, постковидном мире?

В мировом измерении развивающиеся страны и их объединения должны сосредоточиться на самых актуальных глобальных проблемах, решение которых создаст более благоприятные международные условия для посткризисного восстановления и ускорения социально-экономического развития большинства государств Азии, Африки и Латинской Америки, придаст ему поступательный, инклюзивный и устойчивый характер. Как было показано, возможности для этого имеются.

И последнее. Реального шанса у международного сообщества «сделать все как было» – вернуть мировую ситуацию в докризисное состояние и к прежним правилам «большой глобальной игры» в обозримом будущем, ви-

димо, не просматривается. Перед этим вызовом страны глобального Юга должны будут найти приемлемый баланс между различными (нередко противоречивыми) экономическими и социально-политическими моделями, чтобы не допустить раскола в своих рядах. Напротив, глобальный Юг, опираясь на имеющийся у него колоссальный потенциал и наработанные механизмы взаимной связанности, может стать драйвером процесса формирования нового, резильентного (кризисоустойчивого) миропорядка. Историческая миссия, с которой в конечном счете не справился коллективный Запад, «по наследству» переходит глобальному Югу. Разумеется, ее выполнение – архисложная задача, и успех будет зависеть как от внутренних усилий ведущих развивающихся стран, так и от их способности эффективно взаимодействовать с максимально широким кругом ответственных международных партнеров, заинтересованных в более стабильном, безопасном, справедливом и процветающем мире.

Список литературы

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2017) Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 9. С. 24–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35
- Аваков Р.М., Брагина Е.А., Майданик К.Л., Мирский Г.И., Покатаева Т.С., Тягуненко В.Л. (ред.) (1974) Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М.: Мысль.
- Ананьин О.И., Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е. (2010) Вашингтонский консенсус: пейзаж после битвы // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 15–27 // <https://economics.hse.ru/data/2011/02/14/1208909692/2010%->

20%D0%9C%D0%AD%D0%9C%D0%9E.pdf, дата обращения 31.01.2021.

Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) (2011) Россия в полицентричном мире. М.: Весь Мир.

Королев И.С. (ред.) (2002) Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М.: Экономистъ.

Кувалдин В. (2017) Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь Мир.

Кузнецов А.В. (ред.) (2020) Феномен Трампа: монография. М.: ИНИОН РАН.

Мельянцев В.А. (2019) КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 5–14. DOI: 10.31857/S0322150750005767-5

Яковлев П.П. (2018) Аргентина и Бразилия: от военных ядерных программ к национальной атомной энергетике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 109–127. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127

Яковлев П.П., Яковлева Н.М. (2020) Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64 № 7. С. 89–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99

Anghie A. (2015) Legal Aspects of the New International Economic Order // *Humanity Journal*, vol. 6, no 1, pp. 145–158. DOI: 10.1353/hum.2015.0016

Ayau Cordón M.F. (1993) *La Década Perdida*, Guatemala: CEES.

Charter of Economic Rights and Duties of States (1974). General Assembly Document A/RES/29/3281 of 12 December 1974 // UN Documents // <http://www.un-documents.net/a29r3281.htm>, дата обращения 27.10.2020.

Clift J. (2003) Beyond the Washington Consensus // *Finance & Development*, vol. 40, no 3, pp. 9.

Cox R. (1979) Ideologies and the New International Economic Order: Reflections on Some Recent Literature // *International Organization*, vol. 33, no 2, pp. 257–302. DOI: 10.1017/S0020818300032161

Dados N., Connell R. (2012) The Global South // *Contexts*, vol. 11, no 1, pp. 12–13. DOI: 10.1177/1536504212436479

Declaration for the Establishment of a New International Economic Order (1974). United Nations General Assembly Document A/RES/S-6/3201 of 1 May 1974 // UN Documents // <http://www.un-documents.net/s6r3201.htm>, дата обращения 29.10.2020.

Ffrench-Davis R., Tironi R. (eds.) (2014) *Latin America and the New Economic Order*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

Frank A.G. (1967) *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, New York: NYU Press.

Frank A.G. (1979) *On Capitalism Underdevelopment*, Delhi: Oxford University Press.

Fukuyama F. (2011) *Falling Behind*, London: Oxford University Press.

International Monetary Fund (2020). *World Economic Outlook. A Long and Difficult Ascent*. Washington, October.

ITC. Trade Statistics for International Business Development // <https://www.trademap.org/index.aspx>, дата обращения 19.11.2020

Li X., Brodsgaard K.E., Jacobsen M. (2009) Beijing Consensus: Ten Economic Principles // *China Economic Journal*, vol. 2, no 3, pp. 297–311. DOI: 10.1080/17538960903529535

Misra K.P. (1993) *Nonalignment in International Relations*, New Delhi.

Napoleoni L. (2011) *Maonomics. La amarga medicina china contra los escándalos de nuestra economía*, Barcelona: Paidós.

Pertas J., Veltmayer H. (eds.) (2004) *Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina*, Buenos Aires: Prometeo libros.

Prashad V. (2007) *The Darker Nations: A People's History of the Third World*, New York: The New Press.

Rodney W. (1972) *How Europe Underdeveloped Africa*, London: Bogle-L'Ouverture Publications.

Rothstein R.L. (1979) *Global Bargaining: UNCTAD and the Quest for a New International Economic Order*, Princeton: Princeton University Press.

Sajed A. (2020) *From the Third World to the Global South* // *E-International Relations*, July 27, 2020 // <https://www.e-ir.info/2020/07/27/from-the-third-world-to-the-global-south/>, дата обращения 16.11.2020.

Scholte J.A. (2005) *Globalization: A Critical Introduction*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

SDGF. *South-South Cooperation* // <https://www.sdgfund.org/south-south-cooperation>, дата обращения 19.11.2020.

Stavrianos L.S. (1981) *Global Rift: The Third World Comes of Age*, New York: Morrow.

The World Bank (2020). *World Development Indicators* // <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, дата обращения 19.11.2020

Williamson J., Kuczynski P.-P. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America*, Washington: Institute for International Economics.

Yergin D. (1991) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power*, New York: Simon & Schuster.

Young R.J.C. (2016) *Postcolonialism: An Historical Introduction*, Chichester: Wiley-Blackwell.

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes

Petr P. YAKOVLEV

DSc in Economics, Chief Researcher of the Department of Europe and America Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: petr.p.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

CITATION: Yakovlev P.P. (2021) Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Received: 26.11.2020.

ABSTRACT. *In a dynamic world, developing in the direction of polycentricism, the countries of Asia, Africa and Latin America, forming together the so-called Global South, are increasingly prominent. Today, the Global South comprises nearly two-thirds of the UN member states, accounts for about 80% of the world's population, about 50% of world GDP and about a half of total international trade. These dry figures alone point to the paramount methodological, scientific and practical importance of studying the economic and socio-political issues of the Global South, a comprehensive analysis of its role in the world economy and politics, in the globalization, and also in geoeconomic and geopolitical relations. Equally relevant is the analysis of the Global South's participation in the international community's efforts to combat global challenges, including climate change, the eradication of poverty, the fight against cross-border terrorism and drug trafficking, humanity's victory over the COVID-19 pandemic and the launch of the recovery economic growth undermined by the coronacrisis. According to the author's of the article point of view, the former colonial and dependent countries forming the Global*

South, many of which have achieved state independence in the last 50–60 years, have accumulated considerable experience of joint actions to defend their economic and political interests, established mechanisms and organizations of cooperation in a variety of fields. Far from simplifying the extremely difficult present situation and not turning a blind eye to existing problems and difficulties, it is logical to assume that a rich historical experience and a large international weight can enable the countries of the Global South to participate actively in building a more sustainable, just and secure world order.

KEYWORDS: *Global South, colonialism, developing countries, Non-Aligned Movement, Third World, West, globalization, China, coronacrisis, new world order*

References

Abramova I.O., Fituni L.L. (2017) Potential of the African Continent in the Development Strategy of the Russian Economy. *World Economy and International Rela-*

tions, vol. 61, no 9, pp. 24–35 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35

Ananyin O.I., Khaitkulov R.G., Shestakov D.E. (2010) Washington Consensus: Landscape after Battle. *World Economy and International Relations*, no 12, pp. 15–27. Available at: <https://economics.hse.ru/data/2011/02/14/1208909692/2010%20%D0%9C%D0%AD%D0%9C%D0%9E.pdf>, accessed 31.01.2021 (in Russian).

Anghie A. (2015) Legal Aspects of the New International Economic Order. *Humanity Journal*, vol. 6, no 1, pp. 145–158. DOI: 10.1353/hum.2015.0016

Avakov R.M., Bragina E.A., Maydanik K.L., Mirskiy G.I., Pokatayeva T.S., Tyagunenko V.L. (eds.) (1974) *Developing Countries: Patterns, Trends, Perspectives*, Moscow: Misl' (in Russian).

Ayau Córdón M.F. (1993) *La Década Perdida*, Guatemala: CEES.

Charter of Economic Rights and Duties of States (1974). General Assembly Document A/RES/29/3281 of 12 December 1974. *UN Documents*. Available at: <http://www.un-documents.net/a29r3281.htm>, accessed 27.10.2020.

Clift J. (2003) Beyond the Washington Consensus. *Finance & Development*, vol. 40, no 3, pp. 9.

Cox R. (1979) Ideologies and the New International Economic Order: Reflections on Some Recent Literature. *International Organization*, vol. 33, no 2, pp. 257–302. DOI: 10.1017/S0020818300032161

Dados N., Connell R. (2012) The Global South. *Contexts*, vol. 11, no 1, pp. 12–13. DOI: 10.1177/1536504212436479

Declaration for the Establishment of a New International Economic Order (1974). United Nations General Assembly Document A/RES/S-6/3201 of 1 May 1974. *UN Documents*. Available at: <http://www.un-documents.net/s6r3201.htm>, accessed 29.10.2020.

Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds.) (2011) *Russia in the Polycentric World*, Moscow: The Whole World (in Russian).

French-Davis R., Tironi R. (eds.) (2014) *Latin America and the New Economic Order*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

Frank A.G. (1967) *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, New York: NYU Press.

Frank A.G. (1979) *On Capitalism Underdevelopment*, Delhi: Oxford University Press.

Fukuyama F. (2011) *Falling Behind*, London: Oxford University Press.

International Monetary Fund (2020). World Economic Outlook. A Long and Difficult Ascent. Washington, October.

ITC. Trade Statistics for International Business Development. Available at: <https://www.trademap.org/index.aspx>, accessed 19.11.2020

Korolev I.S. (eds.) (2002) *World Economy: Global Trends for 100 Years*, Moscow: Economist (in Russian).

Kuvaldin V. (2017) *Global World. Policy. Economy. Social Relations*, Moscow: The Whole World (in Russian).

Kuznetsov A.V. (eds.) (2020) *The Trump Phenomenon*, Moscow: INION (in Russian).

Li X., Brodsgaard K.E., Jacobsen M. (2009) Beijing Consensus: Ten Economic Principles. *China Economic Journal*, vol. 2, no 3, pp. 297–311. DOI: 10.1080/17538960903529535

Melyantsev V.A. (2019) China and the United States, Who Whom: Comparing the Main Parameters of Economic Development. *Asia and Africa today*, no 8, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.31857/S0322150750005767-5

Misra K.P. (1993) *Nonalignment in International Relations*, New Delhi.

Napoleoni L. (2011) *Maonomics. La amarga medicina china contra los escándalos de nuestra economía*, Barcelona: Paidós.

Pertas J., Veltmayer H. (eds.) (2004) *Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina*, Buenos Aires: Prometeo libros.

Prashad V. (2007) *The Darker Nations: A People's History of the Third World*, New York: The New Press.

Rodney W. (1972) *How Europe Underdeveloped Africa*, London: Bogle-L'Ouverture Publications.

Rothstein R.L. (1979) *Global Bargaining: UNCTAD and the Quest for a New International Economic Order*, Princeton: Princeton University Press.

Sajed A. (2020) From the Third World to the Global South. *E-International Relations*, July 27, 2020. Available at: <https://www.e-ir.info/2020/07/27/from-the-third-world-to-the-global-south/>, accessed 16.11.2020.

Scholte J.A. (2005) *Globalization: A Critical Introduction*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

SDGF. South-South Cooperation. Available at: <https://www.sdgfund.org/south-south-cooperation>, accessed 19.11.2020.

Stavrianos L.S. (1981) *Global Rift: The Third World Comes of Age*, New York: Morrow.

The World Bank (2020). World Development Indicators. Available at:

<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, accessed 19.11.2020.

Williamson J., Kuczynski P.-P. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America*, Washington: Institute for International Economics.

Yakovlev P. (2018) Argentina and Brazil: from Military Nuclear Programs to National Atomic Energy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 109–127 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127

Yakovlev P., Yakovleva N. (2020) Protest Potential of the Latin America: Regional Aspect of Global Phenomenon. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 7, pp. 89–99 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99

Yergin D. (1991) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power*, New York: Simon & Schuster.

Young R.J.C. (2016) *Postcolonialism: An Historical Introduction*, Chichester: Wiley-Blackwell.